

ИМЕНОВАНИЕ КАК КАТЕГОРИЯ ЭТНИЧЕСКАЯ И ЭТИЧЕСКАЯ

[ГАЙДА Ф. А. ГРАНИ И РУБЕЖИ: ПОНЯТИЯ «УКРАИНА» И «УКРАИНЦЫ» В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2019. 200 С. (SEESTA. XXV)]

Выпускать научный труд в ситуации перманентного политического обострения вопроса, в нем освещаемого, — крайне рискованный шаг и для автора, и для издательства. Однако Федор Гайда и Модест Колеров его предприняли, и это вызывает отрадное чувство: значит, научная мысль, а также издательская политика хотя бы в некоторых случаях даже в наше время независимы от какой-либо конъюнктуры.

Интересно, что волею судеб рецензия на монографию Ф. Гайды публикуется в том же номере журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог», что и отклик на книгу В. К. Кантора «Демифологизация русской культуры». Основной пафос у обоих авторов един: определить настоящее имя явления — значит уничтожить миф, враждебный истине. Именование есть способ борьбы с ложными смыслами, которые, как известно, зачастую начинают пахнуть совсем не метафорической кровью...

Итак, к каким же выводам на основе весьма репрезентативного историко-литературного материала приходит исследователь? Но нет, сначала лучше о самом материале. Гайда привлек для анализа корпус исторических, документальных, литературных, публицистических текстов начиная с XII и заканчивая XX веком. Если первые контексты извлечены им из Ипатьевской летописи 6695 (1187) г., то последние — из государственных документов первой половины прошлого столетия. Важно, что *историческая по принципу* работа оказалась *лингвистической по сути*: бытование раннего понятия «оукраина» увенчалось рождением самоназвания целого народа. Текстовые свидетельства позволяют историку понять и доказательно утверждать, что «в Российском государстве с рубежа XV–XVI вв. существовала и Украина в узком смысле слова — окская Украина», а в промежуток со второй четверти до середины XVII в. «Украиной» в узком смысле слова также стали именовать земли Среднего Поднепровья», и «в подобных именовании не было никакого этнического оттенка». Этимология свидетельствует о постепенном осознании чисто географического, регионального понятия в ином — этническом — качестве, а история рассказывает о том, как козаки (казаки) постепенно превращались в малороссиян, чтобы потом стать украинцами. Кстати говоря, Гайда напомнил читателям, что в самом термине «Малая Россия» нет ничего уничижительного для народа, поскольку «малый» здесь не имеет ни-

чего общего с «маленький»; напротив, имеется в виду центр, но это центр Руси, с которой жители этих земель себя без сомнений идентифицировали.

Чрезвычайно интересно и нетривиально, что европейская традиция применения термина «украинцы» идет от Вольтера — вот уж воистину неисповедимы пути слов. Позднее самоназвание народа, явившееся из исконно славянского слова и прошедшее через горнило европейского Просвещения, есть один из необъяснимых парадоксов исторической лингвистики...

Предоставим, однако, слово Федору Гайде.

«В **ретроспективном** ключе прямая, без боковых ветвей, “генеалогия” современного термина “украинцы” реконструируется следующим образом:

(1) Первоначальное **самоназвание** пограничных дворян подмосковного Поочья (XVI–XVII вв.) превратилось в (2) **официальный военно-сословный термин**, которые при Петре I был распространен на слобожан.

(3) В дальнейшем “украинцы” вплоть до начала XX в. превратился в объект **литературных** штудий:

(3а) В конце XVIII в. историк А. И. Ригельман уравнивал это слово с понятием “малороссияне”.

(3b) В середине XIX в. заимствованный у историка термин был превращен общественным деятелем В. М. Белозерским из географического понятия в **этноним**.

(3с) Критик А. П. Милюков в 1864 г. придал ему **партийно-политическое** значение (украинофил), унаследованное В. И. Кельсиевым, М. П. Драгомановым и Б. Д. Гринченко.

(3d) Революционер Н. И. Михновский в 1902 г. вновь вернул слову этническое значение, но уже в новом **классовом** осмыслении (угнетенная нация крестьян и рабочих). Пропаганду термина осуществляли члены Революционной Украинской партии, от которых он был воспринят как Центральной радой, так и большевиками.

(4) В результате “коренизации” 1920-х гг. понятие стало этническим **самоназванием**» (выделено автором. — *Ред.*).

Помимо собственно исторического анализа, в монографию входит ряд документов, а также статьи автора, посвященные злободневному вопросу самоидентификации народа, еще так недавно — если вдуматься, всего каких-нибудь два поколения назад — считавшего себя русским. Книга будет интересна всем, кому интересен осмысленный взгляд на историю. Отдельно нужно отметить, что монография Федора Гайды представляется образцом современного исследования, исчерпывающе освещающим проблему, структурированным в соответствии с проблематикой, снабженным всем необходимым справочным материалом.

Фальсификаторам просьба не беспокоиться.